

Социально-перцептивный образ приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки

Алдашева А.А.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Зеленова М.Е.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Сиваш О.Н.

**ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН),
г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskya@gmail.com

Цель. Изучение социальной перцепции и выявление структурно-содержательных особенностей образа приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки.

Контекст и актуальность. Переход на повсеместное семейное устройство детей-сирот и подготовка законодательных актов, предусматривающих утверждение новой профессии педагогического профиля (социальный воспитатель), а также введение обязательного психологического тестирования приемных родителей определили практическую значимость и актуальность научных исследований, связанных с отбором и подготовкой кандидатов, желающих создать приемную семью.

Дизайн исследования. В работе изучалась структура социально-перцептивных представлений о приемном ребенке у замещающих родителей в зависимости от формы опеки и количества детей, принятых на воспитание. Наличие структурных взаимосвязей и статистических различий определялось с помощью методов корреляционного и сравнительного анализа.

Участники. Приемные родители, осуществляющие опеку на основе трудового соглашения (социальные воспитатели), а также приемные родители, имеющие родственные связи с приемными детьми и осуществляющие опеку в форме «кровной опеки» (кровные опекуны). Всего 110 человек. В ходе обработки и анализа данных вся выборка была разбита на следующие группы: 1. группа социальных воспитателей, принявших в семью 1–2-х приемных детей (N=48); 2. группа социальных воспитателей, принявших в семью 3-х и более детей (N=30); 3. группа кровных опекунов (N=32).

Методы (инструменты). Для выявления структуры и содержания перцептивного образа приемного ребенка применялся вербальный вариант методики СОЧ(И) В.Л. Ситникова.

Результаты. Анализ компонентных профилей перцептивного образа приемного ребенка у разных категорий замещающих родителей показал, что они идентичны по своей структуре. В иерархии структуры образа ведущими выступают «Социальный», «Деятельностный» и «Поведенческий» компоненты. Содержательный анализ перцептивного образа приемного ребенка позволил выделить в семантическом пространстве приемных родителей структурно-смысловые единицы (компоненты образа), отражающие ценностное отношение ребенка к жизни.

ни в замещающей семье (компонент «Ценность семьи») и наличие вредных привычек и аддикций (компонент «Вредные привычки»). Это определило структурную специфику перцептивного образа приемного ребенка у социальных воспитателей и кровных опекунов и ее отличие от структуры образа ребенка у обычных родителей. Межгрупповой сравнительный анализ показал, что социальные воспитатели, принявшие в семью 3-х и более детей, чаще выделяют характеристики ребенка, имеющие значение для взаимодействия в системе «ребенок-взрослый»; они чаще отмечают отношение приемного ребенка к жизни в семье, отношение ребенка к авторитету взрослого, а также наличие у ребенка вредных привычек и зависимостей.

Выводы. Получены результаты, показавшие структурно-содержательные особенности перцептивного образа приемного ребенка у приемных родителей с разным количеством детей и разной формой опеки — социальных воспитателей и кровных опекунов.

Ключевые слова: социальная перцепция, образ приемного ребенка, менталитет, приемные дети, приемные родители, социальные воспитатели, кровные опекуны.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства научных организаций в рамках научного проекта № 0159-2020-0001.

Для цитаты: Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Сиваш О.Н. Социально-перцептивный образ приемного ребенка у замещающих родителей с разной формой опеки // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 2. С. 110—128. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120207>

Socio-Perceptual Features of the Image of a Foster Child in Foster Parents with Different Forms of Guardianship

Aigul A. Aldasheva

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Marina E. Zelenova

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Olga N. Sivash

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskya@gmail.com

The objective. *The purpose of the empirical study presented was the study of social perception and the identification of structurally-substantive features of the mental image of the adopted child in foster parents.*

Background. *The transition to the ubiquitous family arrangement of orphans and the preparation of legislation providing for the adoption of foster parenting as a new profession of a pedagogical profile (“social educator”), as well as the introduction of mandatory psychological testing of foster parents, has revealed the special practical significance and relevance of scientific research related to selection and candidate training.*

Study design. *The work examined the structure of socio-perceptual ideas about the adopted child from adoptive parents, depending on the form of adoption and the number of children adopted by the family for upbringing. The presence of structural relationships and statistical differences was determined using the methods of correlation and comparative analysis.*

Participants. *Foster parents were examined exercising guardianship on the basis of an employment agreement (“social educator”), as well as foster parents who have family ties with adopted children and*

who exercise guardianship in the form of “blood guardianship” (“blood guardians”). Total 110 people. In the course of data processing and analysis, the entire sample was divided into the following groups: 1. a group of social educators who adopted 1–2 foster children into the family (N=48); 2. a group of social educators who have adopted 3 or more children into the family (N=30); 3. group of “blood guardians” (N=32).

Measurements. To identify the structure and content of the perceptual image of the adopted child, a verbal version of the SOCHI technique was used AND V.L. Sitnikova.

Results. An analysis of the component profiles of the perceptual image of the “adopted child” in different categories of foster parents showed that they are identical in structure. In the hierarchy of the structure of the image, the leading components are the “Social”, “Activity” and “Behavioral” components. A meaningful analysis of the adoptive child’s perceptual image made it possible to identify structural and semantic units (image components) in the semantic space of adoptive parents that reflect the child’s value attitude to life in a foster family (component “Family Value”) and the presence of bad habits and addictions (component “Bad habits”). This determined the structural specificity of the perceptual image of the “adopted child” in social educators and blood guardians and its difference from the structure of the child’s image in ordinary parents. Intergroup comparative analysis showed that social educators who have adopted 3 or more children into a family more often single out characteristics of a child that are important for interaction in the “child-adult” system; they more often note the attitude of the adopted child towards life in the family, the attitude of the child towards the authority of an adult, as well as the presence of bad habits and addictions in the child.

Conclusions. The results were obtained that showed structurally meaningful features of the perceptual image of the adopted child in foster parents with different numbers of children and different forms of guardianship – social educators and blood guardians.

Keywords: social perception, foster child image, mentality, foster children, foster parents, social educators, blood guardians.

Funding. The study was supported by the Federal Agency for Scientific Organizations, project number 0159-2020-0001.

For citation: Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Sivash O.N. Socio-Perceptual Features of the Image of a Foster Child in Foster Parents with Different Forms of Guardianship. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 2, pp. 110–128. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120207> (In Russ.).

Введение

Передача на воспитание в приемную семью и накопленный опыт семейного устройства детей-сирот выявили проблемы, детерминированные особенностями воспитательного пространства замещающей семьи. Министерство просвещения Российской Федерации объявило о разработке законопроекта, предусматривающего реформирование системы подбора и сопровождения приемных семей, необходимость психологического тести-

рования приемных родителей, а также поставило вопрос об ограничении числа детей в одной приемной семье. Научные исследования, направленные на решение задач обеспечения успешности приемного родительства, оказались среди наиболее актуальных направлений науки, имеющих прикладное значение.

Приемная семья представляет собой форму устройства детей, оставшихся без родителей, осуществляемую на основе договора между органами опеки и попечительства и приемными родителями.

Анализируя специфику замещающей семьи, исследователи подчеркивают, что приемная семья по своим целям и функциям является «социальным институтом воспитания» и может быть рассмотрена в качестве промежуточной формы между «усыновлением» и «общественным воспитанием» [14]. Среди отличительных особенностей приемной семьи выделяют: 1. наличие у большинства приемных детей кровных родителей и других родственников, с которыми дети, находясь в приемной семье, могут поддерживать отношения; 2. временный характер нахождения детей в приемной семье; 3. контроль и право органов опеки и попечительства отстранять социальных воспитателей от исполнения возложенных на них обязательств в случае возникновения неблагоприятных условий для воспитания детей [16].

Кроме того, приемная семья отличается от традиционной функциями, появление которых вызвано особенностями жизненного опыта детей, оставшихся без родителей, необходимостью компенсации отсутствия кровной семьи, устранения негативных последствий пребывания детей в детском доме и т.д. Среди дополнительных функций приемной семьи особое значение имеют терапевтическая, компенсаторная, адаптационная, коррекционная и реабилитационная [2; 17].

Как известно, успешность деятельности во многом зависит от особенностей психических образов, которые составляют регуляторную основу любых действий и определяют эффективность достижения целей. Психический образ с позиций системного подхода рассматривается как сложное, многокомпонентное и целостное образование, объективируемое посредством конкретных действий, структурно-смысловых единиц или понятий, а также на основе использования

разнообразных знаковых систем. Образ является «идеальным субъективным образованием», «интегративным отражением дискретной части действительности», регуляторная функция которого тесно связана с характеристиками отражаемого объекта [9]. Социально-перцептивные образы представляют собой разновидность психических образов, формирующихся в процессе социальной перцепции, и являются результатом отражения образов других людей как субъектов социального взаимодействия и общения [4; 7]. Восприятие и формирование образа ребенка базируется на общих законах социальной перцепции и обусловлено факторами, среди которых характеристики взрослых и детей играют значительную роль [6; 13; 18; 28; 30 и др.]. Как отмечает Э. Берн, люди действуют в соответствии со своими индивидуальными психическими образами, в основе которых лежат определенные эмоции, и чем более адекватно данные образы передают реальность, тем более успешным и адаптивным будет поведение человека при взаимодействии с другими людьми. Так как перцептивные образы довольно ригидны и статичны, то в процессе воспитания, когда представления взрослого и поведение ребенка не совпадают, воспитатель предпочитает менять способы своего воздействия, но не свои представления [5].

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о тесной взаимосвязи между полнотой и адекватностью социально-перцептивных образов у представителей педагогических профессий (школьных учителей, воспитателей детских садов, закрытых интернатов) и эффективностью воспитательного процесса. При этом исследователи отмечают, что педагоги по сравнению с родителями чаще выделяют качества ребенка, имеющие значение

для процесса обучения и совместного взаимодействия, то есть воспринимают ребенка прежде всего как объект воспитания и обучения [10; 19; 27; 29 и др.].

Работа В.Л. Ситникова, направленная на выявление содержания и механизмов формирования представлений об «абстрактных» и «реальных» детях у педагогов и родителей, показала, что ментальный образ ребенка имеет иерархизированную многокомпонентную структуру и выступает одним из важных регуляторов взаимодействия в диаде «взрослый-ребенок». Вариативность структуры образа ребенка ситуативна и контекстуальна и тесно связана с характеристиками объекта восприятия (зависит от пола, возраста, социальной позиции ребенка). При этом специфика содержания и структура образа определяются прежде всего «субъективными параметрами» (характеристиками «субъекта, осознающего этот образ») и спецификой взаимоотношений воспринимающего субъекта с объектом отражения. Среди функций образа автор выделяет смыслообразующую, мотивирующую, прогностическую, корректирующую и регуляторную, подчеркивая особую значимость регуляторной функции перцептивного образа как имеющую наиболее важное значение для детско-родительских отношений и всего процесса развития ребенка [20].

В исследовании В.Л. Ситникова и А.А. Стреленко, посвященном изучению взаимосвязи между образом приемного ребенка и личностными качествами социальных воспитателей, установлено, что образы приемных детей по сравнению с «Я-образами» приемных матерей более наполнены отрицательными характеристиками. Показано также, что структура образа ребенка тесно связана с такими характеристиками приемных

матерей, как «мягкость-строгость», «авторитетность», «последовательность-непоследовательность» и «эмоциональное дистанцирование-близость». Кроме того, большинство социальных воспитателей имели низкий уровень удовлетворенности межличностными взаимоотношениями с детьми [21; 22].

Психосемантическое исследование, направленное на выявление мнения россиян о приемных родителях, проведенное Р.А. Читао, позволило установить преобладание позитивных представлений респондентов о качествах людей, воспитывающих сирот, и выявило атрибуцию таких положительных характеристик, как «доброта», «самоконтроль», «интеллект», «активность», «неравнодушие» [24]. Однако, что касается социальных представлений о ребенке-сироте, то результаты исследований показали доминирование отрицательных оценок и негативных стереотипов. Согласно данным Т.Ю. Кузнецовой, ребенок-сирота в описаниях большинства респондентов является «грубым в поведении и общении», «агрессивным», «невоспитанным», «склонным к воровству», «грязным» и «оборванным». Одновременно ребенок-сирота предстает как «обездоленный», «брошенный», «несчастный», «голодный» и «страдающий». По мнению опрошенных, дети-сироты нуждаются в том, чтобы их «накормили», «пожалели», «посочувствовали», а общество обязано «помогать» и «воспитывать» сирот. При этом основу представлений о воспитанниках детских домов у 58,7% респондентов составила информация, полученная из СМИ; 27,8% опрошенных имели редкие и ситуативные контакты с воспитанниками детских домов; лишь 15,4% (в основном врачи и работники милиции) имели с сиротами непосредственное длительное общение [11].

Результаты анализа социологических опросов, проведенные Н.В. Присяжной, позволили выделить 7 блоков социальных стереотипов, отражающих образ ребенка-сироты: 1) сироты имеют плохую биологическую наследственность и генетически предрасположены к девиантному поведению; 2) сироты имеют психические отклонения; 3) у сирот плохое здоровье и хронические заболевания; 4) сироты склонны к аддикциям и асоциальному поведению; 5) сироты плохо адаптируются к социальной среде; 6) сироты «неблагодарны» в отношении приемных родителей; 7) социальные сироты — это «бедные, несчастные, брошенные дети». Перечисленные стереотипы свидетельствуют о преобладании отрицательных характеристик в перцептивном образе ребенка-сироты, распространенном в общественном сознании, что может негативно отражаться на социализации и перспективе будущего детей, оставшихся без попечения взрослых [15].

Рассмотрение имеющихся в литературе фактов позволяет говорить о важной роли социальной перцепции в результативности воспитательного процесса и свидетельствует об актуальности и значимости научных исследований, посвященных выявлению особенностей социальной перцепции у разных групп педагогов, к которым относятся и приемные родители (социальные воспитатели), которые, по определению А.В. Махначи и других исследователей, также являются специалистами педагогического профиля [12]. Это позволило сформулировать *цель исследования*: изучение особенностей социально-перцептивного образа ребенка-сироты у приемных родителей в зависимости от формы опеки и количества детей, принятых в семью на воспитание.

Методы

Исследование проводилось на базе ГБУ Центр «Детство» совместно сотрудниками Института психологии РАН и сотрудниками центра. Были обследованы приемные родители, осуществляющие опеку на основе трудового соглашения (социальные воспитатели), а также приемные родители, имеющие родственные связи с усыновленными детьми и осуществляющие опеку в форме «кровной опеки» (кровные опекуны). Общий объем выборки — 110 человек. В ходе обработки и анализа выборка была разбита на три группы: 1. приемные родители, воспитывающие 1–2-х приемных детей (ПР1); 2. приемные родители, воспитывающие 3-х и более приемных детей (ПР2); 3. кровные опекуны (КО) — родственники, взявшие на воспитание детей, оставшихся без родителей. Характеристики участников представлены в табл. 1.

В исследовании применялся сокращенный вариант «Методики изучения образа человека» СОЧ(И) В.Л. Ситникова. В ходе индивидуального интервью респонденты должны были перечислить и ранжировать: 1. «характеристики хорошего приемного ребенка»; 2. «характеристики плохого приемного ребенка»; 3. «характеристики хорошей приемной девочки»; 4. «характеристики плохой приемной девочки»; 5. «характеристики хорошего приемного мальчика»; 6. «характеристики плохого приемного мальчика». Данные анкетирования обрабатывались методом контент-анализа в соответствии с алгоритмом, предложенным В.Л. Ситниковым. Статистическая обработка полученных матриц включала методы частотного, корреляционного (г-Спирмена) и сравнительного анализа (U-Манна-Уитни).

Описание выборки исследования

Группы	Социально-демографические характеристики
Группа ПР1 «приемные родители, воспитывающие 1–2-х приемных детей» (n=48)	Семейные пары, являющиеся социальными воспитателями; средний возраст: $M=50,57\pm 11,04$ года; количество приемных детей в семье: $1,43\pm 0,94$; количество кровных детей в семье: $1,29\pm 1,20$
Группа ПР2 «приемные родители, воспитывающие 3-х и более приемных детей» (n=30)	Семейные пары, являющиеся социальными воспитателями; средний возраст: $M=50,71\pm 7,50$ года; количество приемных детей в семье: $6,23\pm 6,27$; количество кровных детей в семье: $2,10\pm 1,69$
Группа КО «кровные опекуны» (n=32)	Родственники, взявшие на воспитание приемных детей (внуков, племянников) в форме кровной опеки; средний возраст: $M=58,45\pm 9,79$ года; количество приемных детей в семье: $1,22\pm 0,55$; количество кровных детей в семье: $1,47\pm 1,02$

Результаты

Обработка вербального варианта методики СОЧ(И) предполагает контент-анализ на основе структурно-смысловых категорий, которые являются основными компонентами образа и включают следующие характеристики: 1. «Волевые» («В»); 2. «Деятельностные» («Д»); 3. «Интеллектуальные» («И»); 4. «Поведенческие» («П»); 5. «Социальные» («С»); 6. «Телесно-физические» («Т»); 7. «Эмоционально-личностные» («Э») [19]. При анализе данных нами были дополнительно выделены еще два компонента: «Вредные привычки» («ВП») и «Ценность семьи» («ЦС»). Показатель «ВП» составили понятия, отражающие наличие у ребенка привычек, оцениваемых негативно с точки зрения социальных норм («воровство», «курение» и т.д.). Показатель «ЦС» составили понятия, характеризующие отношение ребенка к приемной семье («ценит семью», «привязан к семье» и т.д.). Результаты частотного анализа, отражающие ком-

понентную структуру образа приемного ребенка у респондентов разных групп, представлены в табл. 2 и отражены графически на рис. 1 и 2.

Применение корреляционного анализа для сопоставления структурных особенностей перцептивных образов «хороший-плохой» приемный ребенок между группами и внутри каждой из групп позволило получить матрицу интеркорреляций, представленную в табл. 3.

Как видно из табл. 3, компонентные профили образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка коррелируют между собой, что свидетельствует о структурном совпадении собирательных образов ребенка у приемных родителей с разной формой опеки. Анализ коэффициентов корреляций по оси «хороший-плохой» приемный ребенок внутри каждой из групп показал, что профили «хорошего» и «плохого» ребенка совпадают у респондентов ПР1 и ПР2. Что касается группы КО, то, согласно данным табл. 3, образы «хорошего» и «плохого»

Таблица 2

Структура образа «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у респондентов ПР1, ПР2 и КО

Компоненты образа	Группа ПР1		Группа ПР2		Группа КО	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг
«Хороший» приемный ребенок						
1. Волевые	3.42	5	2.22	7–8	3.16	6
2. Деятельностные	7.98	4	13.89	3	11.39	4
3. Интеллектуальные	13.31	3	9.44	4	13.92	3
4. Поведенческие	18.63	2	15.56	2	17.72	2
5. Социальные	50.57	1	47.78	1	47.47	1
6. Телесно-физические	1.14	8	2.22	7–8	1.90	7
7. Эмоциональные	1.52	7	2.78	6	3.80	5
8. Вредные привычки	0.38	9	1.11	9	0.00	9
9. Ценность семьи	3.04	6	5.00	5	0.63	8
«Плохой» приемный ребенок						
1. Волевые	3.13	8	2.31	8	5.56	5
2. Деятельностные	11.88	3	19.23	2	14.81	3
3. Интеллектуальные	6.88	5	6.15	5–6	3.70	6–7
4. Поведенческие	18.13	2	17.69	3–4	33.33	1
5. Социальные	40.00	1	25.38	1	24.07	2
6. Телесно-физические	5.00	7	5.38	7	3.70	6–7
7. Эмоциональные	6.25	6	6.15	5–6	2.78	8
8. Вредные привычки	8.75	4	17.69	3–4	12.04	4
9. Ценность семьи	0.00	9	0.00	9	0.00	9

Образ «хорошего» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2, КО

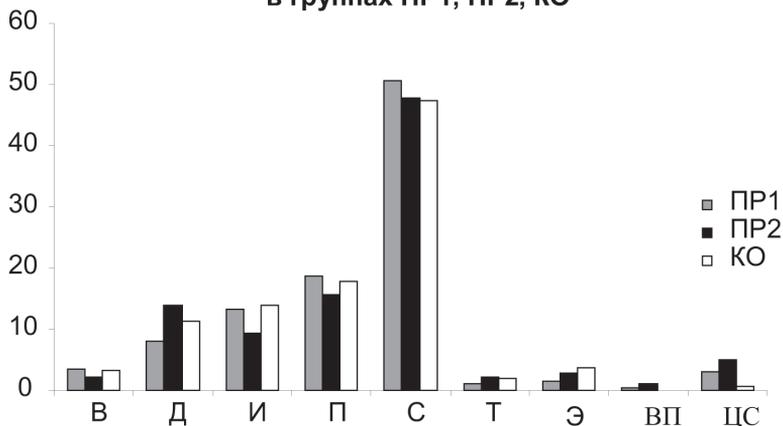

Рис. 1. Образ «хорошего» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2 и КО

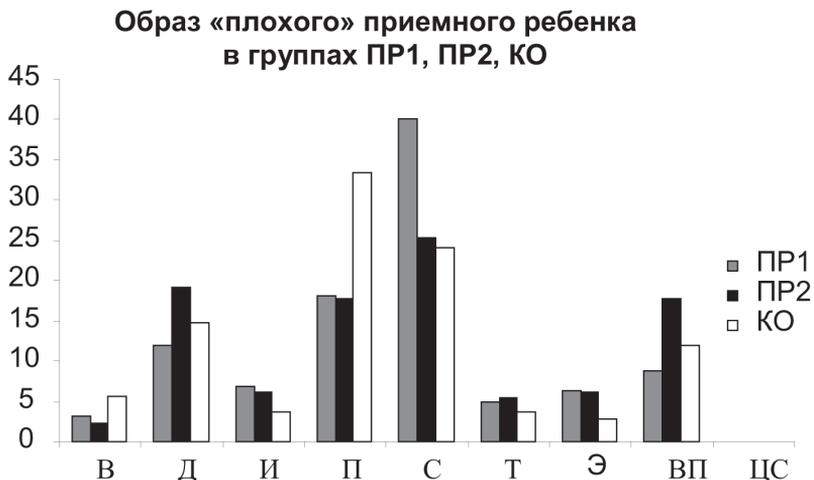

Рис. 2. Образ «плохого» приемного ребенка в группах ПР1, ПР2 и КО

Таблица 3

**Результаты корреляционного анализа структуры образов «хорошего»
и «плохого» ребенка у приемных родителей ПР1, ПР2 и КО**

Корреляции		«Хороший» ребенок			«Плохой» ребенок		
		ПР1	ПР2	КО	ПР1	ПР2	КО
«Хороший» ребенок	ПР1	1	,98***	,99***	,95**	,67*	,64
	ПР2	,98***	1	,99***	,96***	,72*	,63
	КО	,99***	,99***	1	,96***	,70*	,65
«Плохой» ребенок	ПР1	,95***	,96***	,96***	1	,84**	,76*
	ПР2	,67*	,72*	,70*	,84**	1	,82**
	КО	,64	,63	,65	,76*	,82**	1

ребенка не имеют статистически подтвержденного сходства.

В табл. 4 представлены результаты межгруппового сравнительного анализа, позволившего соотнести уровень выраженности отдельных компонентов. Фрагмент матрицы содержит только статистически подтвержденные расхождения, позволяющие дифференцировать группы.

Как видно из табл. 4, в образах «хорошего» приемного ребенка различия выявлены лишь относительно компо-

нента «Ценность семьи»: определения, составляющие данный компонент, статистически чаще встречаются в ответах респондентов ПР1 и ПР2 по сравнению с КО. При описании «плохого» приемного ребенка респонденты ПР2 чаще отмечают «Деятельностные» качества и «Вредные привычки» по сравнению с группой ПР1. Респонденты КО по сравнению с ПР2 при описании «плохого» ребенка значимо реже выделяют «Деятельностные» качества и чаще «Поведенческие».

Таблица 4

**Результаты межгруппового сравнительного анализа структуры образов
«хорошего» и «плохого» приемного ребенка**

Показатели	«хороший» приемный ребенок			«плохой» приемный ребенок		
	ПР1-ПР2	ПР1-КО	ПР2-КО	ПР1-ПР2	ПР1-КО	ПР2-КО
Деятельностный	-	-	-	U=530,000 (p≤0,019)	-	U=354,500 (p≤0,049)
Поведенческий	-	-	-	-	U=591,500 (p≤0,043)	-
Вредные привычки	-	-	-	U=473,000 (p≤0,001)	-	-
Ценность семьи	-	U=359,00 (p≤0,023)	U=351,000 (p≤0,004)	-	-	-

В табл. 5 представлена ранговая последовательность характеристик, раскрывающих содержание образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка. По результатам частотного анализа были выделены и ранжированы 10 наиболее часто употребляемых определений.

Как видно из табл. 5, образ «хорошего» приемного ребенка у всех респондентов включает такие характеристики, как «честный», «добрый», «отзывчивый», «общительный», «с желанием учиться», «с желанием помогать». При описании «хорошего» приемного ребенка в образах респондентов ПР1 и ПР2 пересекаются такие понятия, как «ласковый» и «позитивный». Для групп родителей ПР2 и КО общим является использование определений «активный» и «с желанием учиться»; для родителей ПР1 и КО — определение «умный». В списке значимых качеств «хорошего» приемного ребенка у ПР2 часто встречается определение «уважение к старшим».

Общими характеристиками для всех групп родителей при описании «плохого» приемного ребенка являются «ленивый», «лживый», «неаккуратный», «упрямый», «не желающий учиться». Образ «пло-

хого» приемного ребенка у ПР1 и ПР2 включает в качестве общей характеристики «эгоистичный». Такие качества, как «агрессивность», «вредные привычки» и «проблемы в общении» пересекаются в ответах родителей ПР2 и КО. В ответах респондентов ПР2 высокочастотной является характеристика «неуважение к старшим». Общий образ «плохого» приемного ребенка в группе КО дополняется характеристиками «невнимательный» и «нарушает режим дня».

Сравнение компонентных структур образов при гендерной конкретизации («хорошая-плохая» приемная девочка и «хороший-плохой» приемный мальчик) позволило обнаружить сходство структурных профилей у родителей ПР1 и КО. При сравнении групп ПР2-КО выявлены различия в образе «хорошей приемной девочки» относительно таких компонентов, как «Деятельностный» (U=350,000; p=0,039) и «Ценность семьи» (U=384,000; p=0,008) — данные компоненты выражены в большей степени у ПР2. Межгрупповое сравнение структуры образа «хорошего приемного мальчика» показало более высокие значения «Деятельностного» компонента у

Содержание образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у респондентов ПР1, ПР2 и КО

ранги	Группа ПР1	Группа ПР2	Группа КО
«Хороший» приемный ребенок			
1	<i>добрый</i>	<i>честный</i>	<i>добрый</i>
2	<i>честный</i>	привязанность	внимательный
3	<i>отзывчивый</i>	<i>добрый</i>	<i>честный</i>
4	<i>общительный</i>	любимый, ласковый	умный
5	позитивный	уважение к старшим	ответственный
6	умный	<i>общительный</i>	<i>общительный</i>
7	привязанность	позитивный	активный
8	желание учиться	отзывчивый	отзывчивый
9	<i>желание помочь</i>	<i>желание учиться</i>	<i>желание помочь</i>
10	любимый, ласковый	<i>желание помочь</i>	<i>желание учиться</i>
«Плохой» приемный ребенок			
ранги	Группа ПР1	Группа ПР2	Группа КО
1	инфантильный	<i>лживый</i>	<i>упрямый</i>
2	<i>упрямый</i>	эгоистичный	невнимательный
3	эгоистичный	проблемы с общением	<i>ленивый</i>
4	<i>лживый</i>	<i>упрямый</i>	агрессивный
5	<i>неаккуратный</i>	<i>неаккуратный</i>	нарушает режим дня
6	самоуверенный	<i>ленивый</i>	<i>нежелание учиться</i>
7	<i>нежелание учиться</i>	вредные привычки	<i>неаккуратный</i>
8	гиперактивный	<i>нежелание учиться</i>	вредные привычки
9	<i>ленивый</i>	агрессивный	проблемы с общением
10	непослушный	неуважение к старшим	<i>лживый</i>

Примечание. Курсивом выделены дословные совпадения, общие для ПР1, ПР2 и КО.

респондентов ПР2 при сравнении групп ПР2-ПР1 ($U=552,500$; $p=0,030$) и ПР2-КО ($U=356,500$; $p=0,045$).

В табл. 6 представлена частота встречаемости позитивных и негативных характеристик в ответах приемных родителей разных групп (средние рангов).

Как видно из табл. 6, в ответах респондентов преобладают позитивные характеристики. Сравнение групп позволило установить, что встречаемость позитивных характеристик статистически не значима у родителей ПР1, ПР2

и КО. Относительно отрицательных характеристик выявлено, что респонденты ПР2 по сравнению с респондентами ПР1 и КО в 1,2 раза чаще выделяют негативные качества ребенка. Анализ частоты встречаемости положительных и отрицательных характеристик в описаниях девочек и мальчиков показал, что в образе «приемной девочки» положительные характеристики встречаются у ПР1 и КО в 1,4 раза чаще, у ПР2 в 1,2 раза чаще, чем в образе «приемного мальчика».

Таблица 6

Позитивные («+») и негативные («-») характеристики в образе приемного ребенка у респондентов ПР1, ПР2 и КО

Группы	Приемный ребенок		Приемная девочка		Приемный мальчик	
	«+»	«-»	«+»	«-»	«+»	«-»
ПР1	4,18	2,76	3,12	2,12	2,24	2,02
ПР2	4,44	3,33	3,47	2,67	2,97	2,4
КО	4,09	2,65	2,63	1,66	1,81	1,25

Обсуждение результатов

Содержательный анализ встречаемости понятий, используемых при описании собирательного образа «хорошего-плохого» приемного ребенка, обнаружил, что приемные родители, наряду с понятийными категориями, выделенными В.Л. Ситниковым, часто используют характеристики, отражающие отношение воспитанников к жизни в замещающей семье. Такие словосочетания, как «желание жить и воспитываться в семье», «привязанность к семье», «ценит семью», часто встречаются в ответах социальных воспитателей и составляют от 3% до 5% общего объема определений. По итогам ранжирования компонент «Ценность семьи» занимает в структуре образа 5-ю позицию у многодетных социальных воспитателей и 6-ю — у воспитателей с 1–2 детьми. Как показывает анализ (см. рис. 1), компонент «Ценность семьи» наиболее выражен в структуре образа «хорошего» приемного ребенка. Данный образ является «образом-эталонном», «образом-идеей», куда проецируются и где фокусируются качества идеального (желаемого) приемного ребенка. Актуализация понятий, отражающих отношение к семье, может свидетельствовать об ожиданиях и установках социальных воспитателей на получение положительного отношения со стороны приемных детей, которые в реальности не всегда находят подкрепление. Как по-

казало исследование Т.А. Шульги и М.А. Антипиной, при позитивном отношении к приемным родителям 90% детей рассматривают семью проживания как «средство удовлетворения желаний». Авторы отмечают, что ценность замещающей семьи у детей часто не сформирована, а приемная семья не является для них в полной мере родной [26].

Анализ описаний приемного ребенка обнаружил большое число определений, отражающих негативные навязчивые действия и поступки, которые традиционно определяются как «вредные привычки». Чаще всего респонденты отмечают «курение», «воровство», «сквернословие», «зависимость от гаджета». Компонент образа «Вредные привычки» у всех приемных родителей занимает 4-ю ранговую позицию в структуре профиля «плохого» приемного ребенка (см. табл. 2). Выраженность данного компонента, вероятнее всего, отражает тот факт, что дети, оставшиеся без родителей, часто бывают «трудными», «педагогически запущенными», нуждаются в психокоррекционной помощи специалистов. Как показывают исследования, приемные родители, даже имея опыт воспитания кровных детей, не достаточно хорошо представляют психологические и поведенческие особенности, а также характер проблем, с которыми им придется столкнуться при взаимодействии с социальными сиротами [23; 25].

Результаты обработки показали, что перцептивный образ «хорошего» приемного ребенка в сознании приемных родителей с разной формой опеки имеет статистически подтвержденное сходство. В структуре данного образа наиболее представлены «Социальный» и «Поведенческий» компоненты, на долю которых приходится основное количество определений (см. табл. 2 и рис. 1). Далее по значимости следуют «Интеллектуальный» и «Деятельностный» компоненты. Наименьшее число определений приходится на «Телесно-физические» характеристики и «Вредные привычки». То есть приемные родители ориентированы, прежде всего, на качества, отражающие особенности социального поведения и взаимодействия, а также интеллектуальные способности детей. По результатам частотного анализа такие определения, как «честный», «добрый», «отзывчивый», «общительный», «умный», «с желанием помогать», «с желанием учиться», являются общими и занимают верхние ранговые позиции в структуре образа «хорошего» приемного ребенка (см. табл. 5). Данные понятия определяют содержательно-стержневую основу образа «хорошего» приемного ребенка и отражают особенности социальной перцепции приемных родителей. В целом для всех групп приемных родителей «хороший» приемный ребенок социально позитивен (отзывчив и выполняет нравственные нормы), общителен (контактен, не имеет проблем с общением), познавательно направлен (умный и желает учиться), не имеет вредных привычек, ценит семью и уважает старших.

По данным исследования В.Л. Ситникова, социальные и конвенциональные качества, характеризующие нормативность и согласованность поведения, наряду с эмоциональными характеристиками,

имеющими социальную направленность, выступают наиболее значимыми в типичном образе «хорошего ребенка» у обычных родителей и педагогов, занимая в структуре образа 2-е ранговое место. Хотя результаты нашего исследования также показали первостепенную значимость социально одобряемых характеристик в профиле «хорошего» приемного ребенка, эмоциональные характеристики оказались менее значимы и в типичной структуре образа ни в одной из групп респондентов не заняли позиции выше 5-го ранга. Основной отличительной особенностью, отражающей специфику восприятия приемных родителей, можно считать появление в образе ребенка ценностного отношения к семье (компонент «Ценность семьи») как значимой семантической единицы перцептивно-смыслового пространства представителей данной социальной группы. Кроме того, анализ наиболее часто встречающихся определений «хорошего» приемного ребенка показал, что для многодетных социальных воспитателей очень важны такие качества, как «привязанность» и «уважение к старшим», свидетельствующие о положительном отношении к приемным родителям. Исходя из основной функции образа «хорошего» ребенка как идеальной модели, детерминирующей воспитательную направленность и цели педагогического процесса, можно предположить, что приоритетными ориентирами для всех категорий приемных родителей, принявших социальных сирот в семью, являются развитие социальных и поведенческих качеств, а также интеллектуальное развитие детей.

Анализ структуры собирательного образа «плохого» приемного ребенка показал, что наиболее значимыми компонентами образа выступают «Социальный», «Деятельностный» и «Поведенческий»,

занимающие три верхние рейтинговые позиции (см. табл. 2 и рис. 2). Наименее представлены в образе «плохого» ребенка «Телесно-физические» характеристики. Основной отличительной особенностью восприятия «плохого» ребенка у приемных родителей по сравнению с обычными родителями и педагогами является акцентирование «Вредных привычек» и низкий рейтинг «Эмоционального» компонента.

Содержательный анализ образа «плохого» приемного ребенка показал, что все приемные родители используют такие определения, как «лживый», «неаккуратный», «ленивый», «упрямый», «не желающий учиться» (см. табл. 5). Перечисленные характеристики входят в число наиболее употребляемых в образе «плохого» приемного ребенка и составляют его основу во всех группах респондентов. Многолетние социальные воспитатели, помимо перечисленных, отмечают такие качества, как «не уважает старших», «эгоистичный», «не ценит семью». В целом в представлениях приемных родителей «плохой» приемный ребенок социально негативен (лжив, эгоистичен, агрессивен), с ним трудно общаться (упрям, непослушен, не уважает старших), не хочет учиться и имеет вредные привычки и зависимости.

Следует отметить, что конвенциональные характеристики, такие как «ребенок», «сын», «дочь» и др., по результатам статистической обработки не вошли в число 10-и наиболее часто встречающихся понятий в ответах респондентов. Данный факт можно рассматривать как важную характеристику менталитета приемных родителей, содержание которого в значительной степени отражает актуальные проблемы, возникающие в приемной семье при взаимодействии с воспитанниками.

Проведение сравнительного анализа позволило выявить некоторые специфические особенности, характерные для восприятия многолетних приемных родителей (ПР2). Родители группы ПР2 по сравнению с родителями КО и ПР1 значимо чаще выделяют качества, важные для совместного взаимодействия, а также вредные привычки и негативные зависимости. Как уже отмечалось, дети, поступившие в семью из социальных учреждений, часто бывают «трудными». Принятие в семью одновременно нескольких социальных сирот усложняет организацию семейного быта, что отражается на внутрисемейных взаимоотношениях, количестве проблем, требующих внимания, увеличивает физическую и психологическую нагрузку на родителей. Выявленная специфика образа «плохого» приемного ребенка, функция которого тесно связана с регуляцией и коррекцией воспитательных воздействий, свидетельствует о том, что негативные поведенческие проявления детей находятся в фокусе осознания многолетних приемных родителей.

Сравнение перцептивных образов по оси «хороший-плохой» приемных детей внутри каждой из групп респондентов позволило установить, что представления о «плохом» и «хорошем» ребенке не совпадают в группе кровных опекунов (см. табл. 3). Однако образы «хорошего» и «плохого» приемного ребенка в группах социальных воспитателей (ПР1 и ПР2) оказались идентичными. То есть у социальных воспитателей перцептивные образы «хорошего» и «плохого» приемного ребенка слабо дифференцированы по своей структуре. Можно предположить, что совпадение образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у данной категории приемных родителей является следствием недостаточной эмоционально-личностной

включенности в воспитательный процесс. Это предположение согласуется с результатами эмпирического исследования адаптации приемных детей в замещающей семье, полученными Е.М. Алексеевой, В.В. Барабановой и М.А. Егоровой. Авторы выявили у 90% приемных матерей низкий или средний уровень вовлеченности по тесту С. Мадди, что интерпретируется как неполная личностная включенность приемных родителей в осуществление ведущей деятельности и неудовлетворенность текущей жизненной ситуацией [1]. Причины такой «невключенности» могут лежать как в плоскости диспозиций и личностных качеств приемных родителей (отстраненность как свойство личности), так и выступать результатом эмоционального выгорания вследствие высокой напряженности и стрессонаполненности жизни семей, воспитывающих сразу нескольких приемных детей [3].

Рассмотрение компонентных профилей образа, полученных при обработке понятийных рядов «хорошая-плохая» приемная девочка и «хороший-плохой» приемный мальчик, показало высокую степень структурных совпадений во всех группах приемных родителей и их соотвестве собирательным профилям «хорошего» и «плохого» приемного ребенка. То есть в структуре типичного образа приемного ребенка, независимо от модальности и пола, первостепенное значение получили «Социальные» и «Поведенческие» качества, занявшие две верхние ранговые позиции в компонентном профиле образа у всех приемных родителей. Содержательный анализ представлений, обусловленных гендерными различиями детей, также подтвердил особую значимость для многодетных социальных воспитателей уважения со стороны детей в отношении взрослых и ценностного отношения к приемной семье.

Заключение

Анализ результатов исследования показал, что в иерархии компонентов образа приемного ребенка ведущее место принадлежит «Социальному» компоненту, характеризующему ребенка в роли субъекта социальных взаимоотношений. Кроме того, для всех категорий приемных родителей (социальных воспитателей и кровных опекунов) значимыми являются качества приемного ребенка, характеризующие его как субъекта взаимодействия — «Деятельностный» и «Поведенческий» компоненты. Такая особенность профиля перцептивного образа приемных родителей отличает его от типичного профиля обычных родителей, где наиболее значимыми выступают «Социальный» и «Эмоциональный» компоненты. Выявленные структурные особенности являются общими для приемных родителей с разной формой опеки и отражают характер объективных проблем, с которыми сталкивается семья при воспитании социальных сирот, имеющих опыт психической травматизации и особенности поведения, обусловленные пребыванием в социальных учреждениях.

Другим важным результатом исследования выступило выделение в перцептивном пространстве приемных родителей структурно-смысловых единиц, отражающих ценностное отношение ребенка к жизни в замещающей семье, и выделение характеристик, относящихся к категории «вредные привычки и аддикции». Это позволило дополнить типичную структуру образа ребенка, полученную В.Л. Ситниковым, двумя новыми компонентами — «Ценность семьи» и «Вредные привычки», которые определили структурную специфику перцептивного образа приемного ребенка у социальных воспитателей и кровных опекунов.

Сравнение компонентных профилей образа «хорошего» приемного ребенка у разных категорий приемных родителей показало, что данные профили идентичны по своей структуре. Что касается образа «плохого» приемного ребенка, то восприятие многолетних социальных воспитателей в большей степени, чем респондентов с одним-двумя детьми, сфокусировано на характеристиках детей, составляющих компоненты «Вредные привычки», «Деятельностный» и «Поведенческий», что может быть объяснено трудностями бытового, педагогического и психологического характера, объем которых в многолетних семьях существенно больше.

Результаты исследования показали структурную идентичность образов «хорошего» и «плохого» приемного ребенка у социальных воспитателей. Имеющиеся эмпирические работы позволяют интерпретировать данный факт как следствие неполной личностной вовлеченности социальных воспитателей в осуществ-

ляемую ими трудовую педагогическую деятельность. Среди причин низкой вовлеченности могут быть как особенности личности социальных воспитателей, так и «эмоциональное выгорание», возникающее в результате повышенной стрессонаполненности жизни приемной семьи.

Таким образом, проведенное исследование позволило получить эмпирические результаты, раскрывающие особенности социальной перцепции, характерные для представителей такой социальной общности, как приемные родители, и показать структурные особенности ментального образа приемного ребенка у родителей с разной формой опеки. Полученные данные могут быть использованы при разработке профессиограммы, включающей основные критерии и требования к социальным воспитателям как отдельной группе профессионалов педагогического профиля, а также при обучении и подготовке приемных родителей и работников социальных служб.

Литература

1. *Алексеева Е.М., Барабанова В.В., Егорова М.А.* Психологическое благополучие матери и адаптация ребенка старшего дошкольного возраста // *Семья и дети в современном мире.* Том VI / Под ред. В.Л. Ситникова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 62–72.
2. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* Профессиональный менталитет приемных родителей как фактор успешности замещающей семьи // *Вестник Университета Российской академии образования.* 2017. № 5. С. 23–29.
3. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В.* Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей // *Социальная психология и общество.* 2017. Том 8. № 1. С. 75–92. DOI:10.17759/sps.2017080105
4. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009. 303 с.
5. *Берн Э.* Введение в психотерапию и психоанализ для непосвященных. СПб.: МФИН, 1992. 448 с.
6. *Берис Р.* Развитие я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
7. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
8. *Жуйкова В.Б., Панюшина Т.Д.* Понятие профессиональности позиции принимающего родителя // *Консультативная психология и психотерапия.* 2015. № 4. С. 83–101.
9. *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности. М.: Наука, 1986. 172 с.

10. Кондратьев М.Ю. Социальная психология образования: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 321 с.
11. Кузнецова Т.Ю. Социальные стереотипы восприятия выпускников детских домов // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 84–88.
12. Махнач А.В. Профессиональная замещающая семья: социально-психологические характеристики особой малой социальной группы // Вестник университета. 2019. № 7. С. 187–194.
13. Николаева Е.И. Психология семьи. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2017. 336 с.
14. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот. Профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
15. Присяжная Н.В. Дети-сироты: постинтернатное жизнеустройство // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 56–64.
16. Проект Федерального закона № 649934-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание» [Электронный ресурс]. URL: <https://lawmon.ru/law/649934-6.html> (дата обращения: 10.07.2020).
17. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект / Отв. ред. Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н. М.: Институт психологии, 2015. 670 с.
18. Реан А.А. Восприятие матери: общие тенденции и гендерно-социальные особенности // Национальный психологический журнал. 2017. Т. 26. № 2. С. 85–91. DOI:10.11621/prj.2017
19. Реан А.А. Психология личности. СПб.: Питер, 2016. 286 с.
20. Ситников В.Л. Образ ребенка в сознании детей и взрослых. СПб.: Химиздат, 2001. 288 с.
21. Ситников В.Л., Стреленко А.А. Особенности Я-, Ты-образов замещающих матерей // Право. Экономика. Психология. 2020. № 1(17). С. 67–73.
22. Стреленко А.А. Образ ребенка в детско-родительском взаимодействии // Семья и дети в современном мире. Том VI / Под ред. В.Л. Ситникова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 1233–1244.
23. Татаренко Д.Д. Детско-родительская адаптация в замещающих семьях // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 2. С. 58–61.
24. Читаю Р.А. Особенности субъективных представлений о замещающих родителях: гендерный аспект // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2014. № 2. С. 47–58.
25. Шереги Ф.Э. Дети с особыми потребностями. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2003. 142 с.
26. Шульга Т.И., Антитина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор развития личности ребенка в замещающей семье // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 3. С. 32–40.
27. Aronson E., Wilson T., Akert R. Social Psychology. Hardcover: Ninth Edition, 2010. 648 p.
28. Dunn W., Craig G. Understanding Human Development, 3rd Edition. Pearson, 2013. 605 p.
29. Kail R.V. Children and Their Development. Prentice Hall, 1998. 459 p.
30. Lou Y., Taylor E.P., Folco S.Di. Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review // Children and Youth Services Review. 2018. № 89. P. 83–92.

References

1. Alekseeva E.M., Barabanova V.V., Egorova M.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie materi i adaptatsiya rebenka starshego doskol'nogo vozrasta [Psychological well-being of the mother and adaptation of a child of a senior preschool age]. In V.L. Sitnikov (ed.). *Sem'ya i deti v sovremennom mire [Family and children in the modern world]*. Vol VI. St. Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 62–72. (In Russ.).
2. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. Professional'nyi mentalitet priemnykh roditelei kak faktor uspekhnosti zameshchayushchei sem'i [Professional mentality of foster parents as a success factor of foster family]. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya = Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2017, no. 5, pp. 23–29. (In Russ.).

3. Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Runets O.V. Individual'nyi stil' samoregulyatsii kak resurs stressoustoichivosti u zameshchayushchikh roditel'ei [Individual Self-Regulation styles as the source of stress resistance in foster parents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 75–92. DOI:10.17759/sps.2017080105 (In Russ.).
4. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov [Psychology of social cognition: Textbook manual for university students]. Moscow: Aspect Press, 2009. 303 p. (In Russ.).
5. Bern E. Vvedenie v psikhoterapiyu i psikhoanaliz dlya neposvyashchennykh [Introduction to psychotherapy and psychoanalysis for the uninitiated]. St. Petersburg: MFIN, 1992. 448 p. (In Russ.).
6. Berns R. Razvitiye ya-kontseptsii i vospitanie [Self-concept development and education]. Moscow: Progress, 1986. 422 p. (In Russ.).
7. Bodalev A.A. Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom [Perception and understanding of man by man]. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 1982. 200 p. (In Russ.).
8. Zhuikova V.B., Panyushina T.D. Ponyatie professional'nosti pozitsii primimayushchego roditelya [The concept of the professional position of the receiving parent]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling psychology and psychotherapy*, 2015, no 4, pp. 83–101. (In Russ.).
9. Zavalova N.D., Lomov B.F., Ponomarenko V.A. Obraz v sisteme psikhicheskoi regulyatsii deyatel'nosti [The image in the system of mental regulation of activity]. Moscow: Nauka, 1986. 172 p. (In Russ.).
10. Kondrat'ev M.Yu. Sotsial'naya psikhologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov [Social Psychology of Education: a textbook for universities]. Moscow: Yurayt, 2020. 321 p. (In Russ.).
11. Kuznetsova T.Yu. Sotsial'nye stereotipy vospriyatiya vypusknikov detskikh domov [Social stereotypes of perception of graduates of orphanages]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2003, no. 11, pp. 84–88. (In Russ.).
12. Makhnach A.V. Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya: sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki osobi maloi sotsial'noi gruppy [Professional substitute family: socio-psychological characteristics of a special small social group]. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2019, no. 7, pp. 187–194. (In Russ.).
13. Nikolaeva E.I. Psikhologiya sem'i. Uchebnik dlya vuzov [Family psychology. Textbook for universities]. St. Petersburg: Piter, 2017. 336 p. (In Russ.).
14. Oslon V.N. Zhizneustroistvo detei-sirot. Professional'naya zameshchayushchaya sem'ya [Living arrangements for orphans. Professional substitute family]. Moscow: Genezis, 2006. 368 p. (In Russ.).
15. Prisyazhnaya N.V. Deti-sirot: postinternatnoe zhizneustroistvo [Orphans: post-boarding life management]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2007, no. 1, pp. 56–64. (In Russ.).
16. Proekt Federal'nogo zakona № 649934-6 «O vnesenii izmenenii v Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti peredachi detei na sotsial'noe vospitanie» [Elektronnyi resurs] [Draft Federal Law No. 649934-6 “On Amendments to the Family Code of the Russian Federation and the Labor Code of the Russian Federation regarding the transfer of children to social education”]. URL: <https://lawmon.ru/law/649934-6.html> (Accessed 10.07.2020). (In Russ.).
17. Problema sirotsstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt [The problem of orphanhood in modern Russia: Psychological aspect]. In Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. (eds.). Moscow: Institut psikhologii, 2015. 670 p. (In Russ.).
18. Rean A.A. Vospriyatie materi: obshchie tendentsii i genderno-sotsial'nye osobennosti [Perception of the mother: general trends and gender-social characteristics]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 85–91. DOI:10.11621/npj.2017 (In Russ.).
19. Rean A.A. Psikhologiya lichnosti [Psychology of Personality]. St. Petersburg: Piter, 2016. 286 p. (In Russ.).
20. Sitnikov V.L. Obraz rebenka v soznanii detei i vzroslykh [The image of the child in the minds of children and adults]. St. Petersburg: Khimizdat, 2001. 288 p. (In Russ.).

21. Sitnikov V.L., Strelenko A.A. Osobennosti Ya-, TY-obrazov zameshchayushchikh materei [Features of I-, YOU-images of substitute mothers]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya = Law. Economy. Psychology*, 2020, no. 1(17), pp. 67–73. (In Russ.).
22. Strelenko A.A. Obraz rebenka v detsko-roditel'skom vzaimodeistvii [The image of the child in the parent-child interaction]. In V.L. Sitnikov (ed.). *Sem'ya i deti v sovremennom mire = Family and children in the modern world*. Vol. VI. St. Petersburg: Publ. RGPU im. A.I. Gertsena, 2020, pp. 1233–1244. (In Russ.).
23. Tatarenko D.D. Detsko-roditel'skaya adaptatsiya v zameshchayushchikh sem'yakh [Parent-child adaptation in foster families]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2012, no. 2, pp. 58–61. (In Russ.).
24. Chitao R.A. Osobennosti sub"ektivnykh predstavlenii o zameshchayushchikh roditelyakh: gendernyi aspekt [Features of substitute parents' subjective perceptions: gender aspect]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2014, no. 2, pp. 47–58. (In Russ.).
25. Sheregi F.E. Deti s osobymi potrebnyami. Sotsiologicheskii analiz [Children with special needs. Sociological analysis]. Moscow: TsSP, 2003. 142 p. (In Russ.).
26. Shul'ga T.I., Antipina M.A. Emotsional'naya sreda sem'i kak faktor razvitiya lichnosti rebenka v zameshchayushchei sem'e [The emotional environment of the family as a factor in the development of the child's personality in a substitute family]. *Vestnik MGOU. Seriya «Psikhologicheskie nauki» = MGOU Bulletin. Series “Psychological”*, 2012, no. 3, pp. 32–40. (In Russ.).
27. Aronson E., Wilson T., Akert R. *Social Psychology*. Hardcover: Ninth Edition, 2010. 648 p.
28. Dunn W., Craig G. *Understanding Human Development*. 3rd Edition. Pearson, 2013. 605 p.
29. Kail R.V. *Children and Their Development*. Prentice Hall, 1998. 459 p.
30. Lou Y., Taylor E.P., Folco S.Di. Resilience and resilience factors in children in residential care: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 2018, no. 89, pp. 83–92.

Информация об авторах

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Сиваш Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, ассоциированный сотрудник, ФГБУН Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskeya@gmail.com

Information about the authors

Aigul A. Aldasheva, Doctor of Psychology, Leading Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3768-9887>, e-mail: aigulmama@mail.ru

Marina E. Zelenova, PhD in Psychology, Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6921-976X>, e-mail: mzelenova@mail.ru

Olga N. Sivash, PhD in Psychology, Associate Research Fellow, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5222-2858>, e-mail: maiskeya@gmail.com

Получена 16.07.2020

Received 16.07.2020

Принята в печать 08.04.2021

Accepted 08.04.2021